

знаменующихъ собою данную эпоху». «Критика,—читаемъ мы въ главѣ о Сентъ-Бёвѣ, — т.-е. способность раздвинуть, многосторонней симпатіей, первоначальныя границы собственной натуры, составляетъ отличительное свойство современныхъ великихъ поэтовъ. Съ той поры, когда поэзія перестаетъ замыкаться отъ идей и волненій окружающаго ея міра, она воспринимаетъ въ себя критику, какъ живительное начало. Критика вдохновляла Гюго въ «*Châtiments*», Байрона въ «*Донъ-Жуанъ*». Она указываетъ дорогу человѣческому духу. Она разставляетъ вѣхи вдоль фарватера и освѣщаетъ его факелами; она пролагаетъ новые пути и расчищаетъ старыя. Она, именно она, передвигаетъ горы — исполинскія горы авторитета, предразсудковъ, безыдейной силы и мертваго преданія». Преклоняясь передъ идеей, допуская и оправдывая тенденцію, Брандесъ высоко цѣнитъ и изящество языка, и объективное изображеніе дѣйствительности; онъ понимаетъ, что въ области искусства нѣтъ и не должно быть обязательныхъ шаблоновъ, разъ навсегда установленныхъ масштабовъ. Свобода отъ крайностей, отъ предвзятыхъ, узкихъ мнѣній—вотъ преимущество его съ одной стороны передъ ультра-натуралистической критикой à la Зола, съ другой стороны—передъ ультра-тенденціозной критикой Писарева или Бёрне. Только оно позволило ему сдѣлаться истиннымъ *историкомъ* современной литературы. Наше столѣтіе меньше чѣмъ всякое другое можетъ быть подведено подъ одну абсолютную мѣрку; величайшіе представители его — вмѣстѣ съ тѣмъ представители самыхъ различныхъ школъ и направленій. Возьмемъ, для примѣра, хотя бы французскую литературу; представимъ себѣ исторію ея, написанную съ точки зрѣнія той или другой односторонней доктрины. Что скажетъ теоретикъ чистой красоты о Бальзакѣ, съ его неровнымъ, вымученнымъ слогомъ, съ его многоэтажными фразами, съ его ошибками противъ такта и вкуса, или теоретикъ чистаго искусства—о Ж. Зандѣ, съ ея адвокатскими пріемами, съ ея набѣгами въ область политики, религіи и философіи? Какъ отнесется систематикъ реализма къ жоржъ-зандовскимъ идеальнымъ фигурамъ, систематикъ идеализма—къ житейской грязи въ бальзаковскихъ романахъ? Съ какимъ пренебреженіемъ посмотритъ тенденціозный радикалъ не только на Мериме или Готье, но и на самого Бальзака! Цѣлые отдѣлы литературы, драгоцѣнные для современниковъ и для потомства, останутся, во всѣхъ этихъ случаяхъ, непонятыми или отодвинутыми на задній планъ; кое-что будетъ превознесено черезъ мѣру, кое-что втоптано въ грязь, срединны между восторгомъ и негодованіемъ почти не будетъ. Чтобы убѣ-